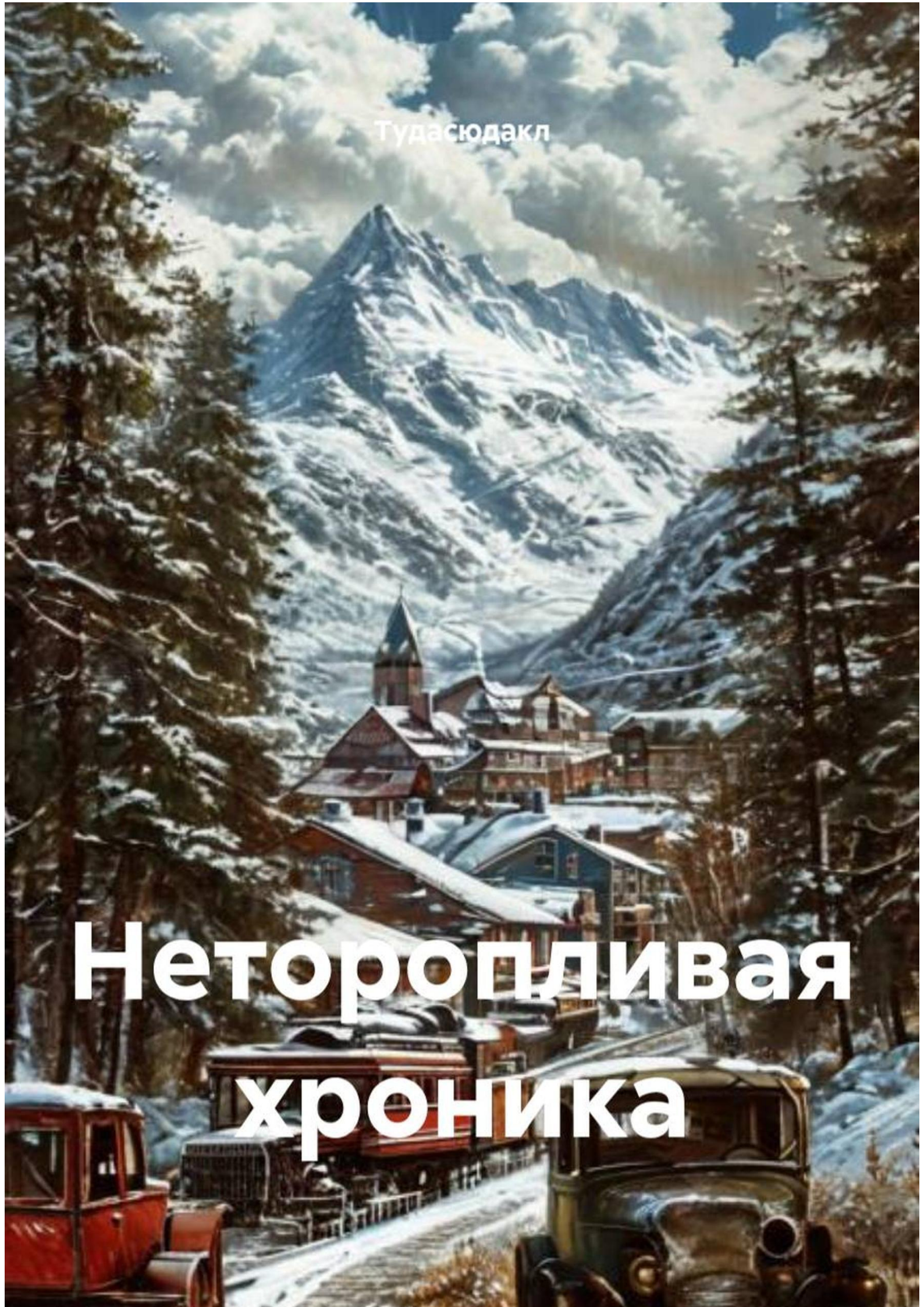

Тудасюдакл

Неторопливая хроника

Тудасюдакл
Неторопливая хроника

«Автор»

2026

Тудасюдакл

Неторопливая хроника / Тудасюдакл — «Автор», 2026

1 апреля 1939 года везде сначала подумали, конечно, что столкнулись с каким-то грандиозным розыгрышем, когда стали поступать сообщения, что со скандинавскими странами что-то не то. Но день шёл за днём, свидетельства и факты множились, и пришлось признать: вместо привычных Норвегии, Швеции и Финляндии – теперь какая-то неизвестная территория. На ней, похоже, не знают ещё ни паровых машин, ни винтовок, ни спичек или фотоаппаратов. Всё – как в 1780-м. Но что со всем этим делать? Как поступить, если перед тобой целая цивилизация, с которой не получится сразу договориться, даже предъявить требование пока невозможно? Только и остаётся, что кропотливо, вдумчиво разбираться... и готовиться, выжидая своих шансов.

© Тудасюдакл, 2026

© Автор, 2026

Тудасюдакл

Неторопливая хроника

Пролог

Сухогруз «Ханса», направившийся 31 марта 1939 года из Бремена в порт Осло, шёл как ни в чём не бывало... до самой глубокой ночи. Утром транспорт должен был уже подойти к порту, но внезапно радист сообщил капитану:

– Герр Дольмар, на все наши запросы береговые радиостанции не отвечают. Более того, как будто пропало всё вещание – не только в Норвегии, но и в Швеции и даже Финляндии.

Капитан Дольмар считался на флоте бывалым моряком. Он ходил в прошлом и в юго-восточную Азию, и в западные порты Южной и Северной Америки, много раз пересекал «ревушие сороковые». Пару лет довелось ему прослужить и на линии Гамбург-Исландия. Словом, удивить этого искушённого человека, впервые ступившего на палубу учебного парусника ещё в далёком 1910 году, было, казалось бы, решительно невозможно. И всё-таки, что именно сейчас говорить радисту, он не знал.

Однако спустя несколько минут он вновь обратился к радисту, уже с более серьёзным вопросом:

– Что передают с других судов? Может быть, только нам не отвечают?

– Герр Дольмар, я сразу же проверил это. Так вот, ото всех, с кем я успел связаться, ответ один: никто не может говорить с норвежским портом по радио или даже по радиотелеграфу. Мало того, береговые станции и радиолюбители там тоже словно исчезли...

– Вот даже как..., взволнованно пробормотал капитан. Он начал мерить ногами рубку, а потом, выпустив напряжение, произнёс:

– Что бы ни произошло, мы остаёмся немецкими торговыми моряками. А это значит, что должны любой ценой доставить наш груз по назначению и забрать товар, который для нас предназначен. Поэтому предупреждаю: никаких слухов в команде не распускать, о случившемся должны знать только вы, я и старший помощник пока что!

Но также капитан распорядился – как только рассвело достаточно, чтобы можно было не опасаться столкновения с каким-либо другим судном или посадки на мель – дать полный ход. Дизель взревел, выдавая пятнадцать узлов, винт усердно запенил воду, и «Ханса», содрогаясь корпусом, полетела стремглав вперёд. Однако уже через каких-то сорок минут ход пришлось сбавить...

И нет, не из-за древних по виду парусников, которые сухогруз встретил на пути в порт. Они были нагружены брёвнами, принайтовленными прямо к палубе. Старпом насмешливо ухмыльнулся: «эти лоханки до восьми узлов разгоняются только при попутном шквале», но за его разухабистой бравадой скрывалось нечто иное: глубокая тревога и недоумение.

На вызовы по радио они не отвечали вовсе, да и сами как будто не передавали никаких радиопередач. Когда с немецкого судна сигналили флагами, то с парусников тоже махали своими флажками, но это было явно не похоже на привычную морскую коммуникацию: как минимум полдюжины сигналов вообще не числились в международном своде. Капитан Дольмар хмурился всё более, тербил свою седеющую бороду, чего с ним не случалось уже очень, очень давно. Последний раз такой эмоциональный жест он делал... годы назад, когда шёл через ледовое поле, и требовалось постоянно маневрировать.

Но самое интересное произошло дальше. Вскоре им попался на пути военный корабль... Да, именно так – **ДЕРЕВЯННЫЙ ПАРУСНИК** с пушечными портами в бортах, и всё-таки действительно военный: это было сразу заметно по виду команды, по тому, как она чётко и слаженно действовала. В бинокль капитан и его помощник заметили в руках у многих моряков на паруснике пистолеты и ружья подчёркнуто архаичного вида.

– Что ж, хмыкнул Дольмар. Раз нас решили норвежцы крупно разыграть, так уж и быть, простим их сегодня, 1 апреля. Мне даже самому интересно будет узнать, откуда они такую музейную редкость, как эти парусники, откопали...

Между прочим, будь он чуть внимательнее, или окажись немного ближе, мог бы и понять, что на встреченных судах, и даже на боевом корабле его сухогруз рассматривают с растерянностью и недоумением. Причём так, что эти эмоции не сыграешь. Но немецкий капитан просто рассчитывал выполнить всё же свою задачу: доставить груз (сельскохозяйственные машины) в порт Осло, сдать их получателю и отправиться в обратный рейс.

Правда, этим намерениям не суждено было воплотиться. Уже на подходе к порту лица моряков сухогруза принимали всё более задумчивый вид. Никаких бетонных молв, нефтехранилищ им не попалось на глаза. Около порта не было признаков железной дороги.

Только в одном месте, где находилось сооружение, в котором признали домну, поднимался сплошь чёрный дым. В остальных точках города лишь лёгкий дымок из печных труб. В гавани стояли десятки деревянных парусников. Не то что парашодов или теплоходов – даже стальных парусников, которые строили задолго до прошлой войны, тоже не наблюдалось. Дома, насколько хватало биноклей их рассмотреть, были максимум трёхэтажными, лишь в паре мест увидели более высокие постройки. Сразу обращало на себя внимание отсутствие радиомачт, линий электропередач. Да, радиостанции скандинавских стран также хранили молчание по-прежнему...

Подходя ещё ближе (причём «Хансе» пришлось следовать самым малым ходом, чтобы не оторваться далеко от сопровождающего их корабля), когда можно было уже увидеть прибрежную часть города невооружённым глазом, команда сухогруза оказалась поражена ещё больше. Общий вывод оказался вполне очевиден:

– Это что угодно, но не Осло...

В самом деле, открывшийся перед ними ландшафт никоим образом не напоминал норвежскую столицу, знакомую каждому матросу по прежним рейсам. Дома располагались не по чётким линиям улиц, как привычно, а в каком-то своём, неведомом порядке. И всё же за кажущимся беспорядком угадывалась своя логика. Далеко не сразу появилось понимание: застройка не преодолевает естественный рельеф, а как будто приспосабливается к нему, и оттого здания словно вырастают на склонах гор и в ложбинах между ними.

Старпом опомнился первым:

– Герр Дольмар, это уже совершенно точно не розыгрыш. Никто не будет – да и не сможет – за одни сутки в такой степени перестраивать город, просто ради одной шутки...

Капитан угрюмо кивнул:

– Согласен с вами, старина Шульце. Прикажете немедленно дать радиограмму в нашу компанию в Гамбург.

Окончательно поверили в то, что это не иллюзия, не мистификация, только через несколько минут. С сопровождавшего их фрегата спустили шлюпку, и дюжие матросы налегли на вёсла. Со стороны они выглядели как типичные жители большинства европейских стран, и капитан даже отметил:

– Этаких молодцов любой флот с радостью бы принял...

Тем временем, ещё до момента, когда шлюпка ткнулась носом в деревянный пирс, и из неё выскочили туда, к берегу уже потянулись местные жители. Старпом задумчиво сказал:

– Похоже, наше прибытие стало для горожан сенсацией...

И в самом деле, на сухогруз глазели, как на восьмое чудо света. Толпа всё прибывала, отдельные горожане пробовали залезть на деревья, чтобы разглядеть его получше, а остальные с явным интересом спрашивали, что же они этакое увидели.

Наконец, спустя минут двадцать, к причалу подкатила карета. На вид простая, без каких-либо украшений, и вылезшие оттуда были одеты в униформу – пусть и не без декоративной

вышивки, но явно выглядевшую строго и лаконично. Они сразу же, ничего ни у кого не спрашивая, перебрались в шлюпку и сами направились к «Хансе».

– Ого, господа таможенные или пограничные чиновники такое значение нам придают, что не гнушаются сами за вёсла взяться – с иронией произнёс один из матросов.

Переговоры сразу не заладились. Ни одна из сторон не знала языка друг друга. Новопривывшие, сверх того, с огромным, почти детским интересом, рассматривали корпус корабля, немецких матросов и расположенные на борту механизмы. Однако же от предложенных им продуктов не отказались, и даже сделали несколько жестов, долженствующих, видимо, обозначать расположение и признательность.

– Что же происходит? – задумчиво бормотал капитан Дольмар, наблюдая эту картину.

Всё то же полнейшее непонимание не позволило и проверить судовые документы. Возникло подозрение, крепшее с каждой минутой, что и получатели груза, буде таковые найдутся, тоже не знают ни немецкого, ни норвежского, ни британского языка.

Измученный неопределённостью капитан отбил ещё пару радиogramм с изложением происходивших событий и требованием чётких инструкций.

– В конце концов, пусть директора тоже немного пошевелятся, не всё мне одному выкручиваться, думал он, уходя из радиорубки и возвращаясь к себе в каюту. Сейчас сухогруз стоял на якоре на рейде, барометр и не думал падать, так что можно было дожидаться указаний от судовладельца.

Однако менее чем через час после этого капитан «Хансы» был внезапно разбужен тормошившим его за плечо судовым врачом. Тот смотрел на него с выражением, в котором перемешались растерянность и заинтригованность одновременно.

– Ну что ещё стряслось? – раздражённо прорычал Дольмар.

– Герр капитан, я произвёл беглый осмотр этих чиновников. Потом, с разрешения вашего помощника, съездил на берег, там проверил ещё нескольких матросов, пару десятков зевак... Если мой стетоскоп не врёт, то сердце и лёгкие у них всех поменяны местами.

Глава первая. Всполохи неизведанного

Радиogramма, отправленная с сухогруза «Ханса», вызвала в судовладельческой компании скорее неудовольствие. Там капитана Дольмара знали как человека очень ответственного и вдумчивого, не склонного к глупым шуткам и сомнительным развлечениям. Трудно было представить, что он станет так подтрунивать над своими нанимателями, и всё же само послание являлось несомненным фактом. Когда в компанию передали вторую радиogramму – на этот раз с изложением врачебного сообщения, кто-то из директоров в сердцах сказал:

– Да они там что, на этой Хансе, решили над нами издеваться, что ли?

Однако уже спустя минут пятнадцать настроение стало гораздо более озабоченным. Ряд других капитанов один за другим рапортовал о странных событиях на скандинавских берегах, как виденных лично при заходах в порты Швеции, Норвегии и Финляндии, так и сообщённых по радио с других кораблей. Более того, внезапно прервалась связь по радио и по телефону с контрагентами на этом направлении, и даже телеграмму отправить было невозможно. Телеграфная компания отделялась скудными докладами о «поломке на линии связи и предпринимаемых усилиях для её починки».

Впрочем, долго тревожиться не пришлось, вскоре в действие вступили уже иные силы. Около 15 часов дня к главной конторе судоходной компании подъехало два автомобиля – один с представителями тайной полиции, другой с сотрудниками МИД и министерства торговли. Они затребовали прямую непрерывную связь со всеми судами компании, находившимися в скандинавских странах или на пути к ним, а также документы на эти рейсы и все прежде полученные и переданные сегодня радиogramмы.

Никто ничего объяснять судовладельцам не собирался. Но приехавшие уже знали – вылетевшие сегодня утром на очередную разведку в Северном и Балтийском морях самолёты обна-

ружили большое количество старомодных парусников в ряде районов и полное отсутствие парашютов. Тайная полиция была дополнительно оповещена своими коллегами из абвера о том, что не только никакие шведские, финские или норвежские эфирные радиостанции не работают, но и связаться с военными или спецслужбами этих стран не получается также, и что не действуют даже передатчики секретных агентов в этих государствах. МИД вынужден был к тому времени признать потерю всякой связи с тремя посольствами, а люфтваффе доложили, что их поисковые самолёты обнаружили резкое изменение вида населённых пунктов, исчезновение железных и шоссейных дорог, промышленных объектов...

Где-то в 16 часов по средневропейскому времени. Северное море.

Эсминец «Боргсдорф» усиленно пенит воду, направляясь к шведским берегам. Перед ним поставили задачу – обследовать как можно чётче побережье от Гётеборга до Мальме, задержать хотя бы одно подозрительное судно и доставить его под конвоем на базу немецкого флота. В небе над эсминцем за последний час прогудело трижды – то направлялись в разные районы для новой разведки дополнительные самолёты.

Большинство из них было предназначено именно что только для осмотра местности с воздуха. Однако был один, направленный в Норвегию, чтобы высадить две небольшие группы парашютистов. Задача стояла – не просто разведать территорию разово, но и контролировать положение дел регулярно. «Возможно, проклятые англичане испытывают новое оружие, отключающее радиостанции, или же уже даже сами влезли на норвежскую территорию... кто знает, может быть, наших агентов уже раскалывают сейчас джимены ФБР», как заявил один из начальников в штабе. Вот поэтому-то и требовалось послать агентов, которые должны будут подавать регулярно доклады о наблюдаемых событиях.

А в это же самое время, конечно, трезвонили телефоны, начинали бегать и собирать совещания чиновники и военные в других столицах – в Лондоне и Париже, Копенгагене и Москве, Варшаве и Амстердаме, даже в Риме, Мадриде, Афинах... Постепенно к этому «клубу» присоединялись и центры власти по ту сторону Атлантики, и даже в более отдалённых государствах. Все пытались понять, что произошло, почему разом выпали контакт с посольствами, с судами, находящимися в Скандинавии, почему даже представительства трёх стран не могут связаться со своими правительствами, почему не поступают корреспонденции по телеграфу, в том числе от репортёров. И с каждой минутой поток вопросов множился.

Бурлению телефонных звонков соответствовала тишина в радиорубке «Боргсдорфа». Первоначально и этот военный корабль пробовали засыпать ворохом запросов и дополнительных требований. Но вскоре конец этому положил гросс-адмирал Дёниц, который запретил отвлекать моряков от их основной миссии. «Во всём разберёмся – только по порядку, а если будете лезть и мешать, только позже ответы свои получите», заявил он самым надменным из требующих.

На время они действительно удалились в сторону, но ясно было, что долго эта пауза не продлится. Понимали такой момент отчётливо и командир самого «Боргсдорфа», и его старший офицер, поэтому они приказали идти вперёд, не щадя мазута и машин. По дороге к Гётеборгу они обогнали, как стоячий, один из фрегатов, шедший в том же направлении под свежим ветром. Эти восхищённо-недоумённые взгляды, когда эскадренный миноносец проходил в четверти кабельтова от другого судна, навсегда запомнились немецким морякам.

Гётеборг выглядел точно так же почти, как и уже упомянутое Осло. Частью деревянные, частью каменные хотя бы причалы, по которым катят бочки, тащат ящики, несут тюки. Склады выглядели очень просто: приземистые, каменные, с небольшими узкими окошками. Нигде ни одного электрического фонаря! Ни кусочка асфальта на площадях и дорогах! Ни одной заводской трубы, полосы рельсов или вышки с проводами!

Доклады об этом поступили в центр связи кригсмарине практически сразу же. Оттуда сообщили – мрачно, открытым текстом, нешифрованным голосом:

– Знаем. Уже и с воздуха данные есть. И от других стран перехваты...

Больше ничего не было произнесено, но командир «Боргсдорфа» понял всё правильно – и приказал ложиться на обратный курс, прерывая разведку досрочно. Всё равно для её завершения понадобятся совсем иные силы и средства...

Двумя часами ранее, на восточной границе перемещённой зоны.

– Ну и что всё это значит?

Такой вопрос задал командир пограничного отряда, прибывший к самым рубежам после того как ему доставили с заставы фотоплёнку с кадрами творившегося по ту сторону. Первый, с нотками паники, доклад, поступивший рано утром, был воспринят как неуместная шутка. Второй, уже на официальном бланке, с печатью и подписью, а не по телефону, как в первый раз (даже специально послали мотоциклиста), произвёл куда более серьёзное впечатление. Однако и в этот раз командир отряда принял решение всего лишь послать двух солдат на проверку донесения, уж больно невероятным оно казалось.

Только около часу дня, когда тому же начальнику погранотряда предъявили фото, он начал понимать масштаб событий – и уведомил уже своё начальство. Неважно, что предпримет он сам своими силами, важно, чтобы командование было в курсе и могло принять уже свои меры. Командование же, как оказалось, знало: в штабе военного округа уже скопились донесения с десятков погранзастав, доклады лётчиков-наблюдателей, сообщения об изменении состава радиопередач «с той стороны» (вернее, их полного отсутствия в Финляндии и не только в ней).

Глава третья. На юге и юго-западе

В конце того же сумасшедшего дня в Лондоне были особенно встревожены... владельцы типографий, издательств и газет. Смутные и неопределённые сведения будоражили их воображение, потому что, например, неясно было, когда теперь поступит из Швеции новая бумага и древесина. Поэтому, хотя текущие тиражи прессы обещали вырасти, в дальнейшем печатные издания – не только периодические, но и вообще – пришлось бы продавать дороже. И, более того, необходимого количества бумаги вообще могло не найтись.

Также беспокоиться начинали металлургические компании. На новостях о возможных перебоях с поставками шведской железной руды их акции просели сразу на 3–4%. В свою очередь, британские текстильщики и производители машин начали переживать из-за возможных трудностей со сбытом готовой продукции. Некоторые из них даже порывались взять билет и съездить прояснить ситуацию на месте, но в 16:30 официальные власти Британии прекратили вылеты самолётов и отправку морских судов туда «до особого распоряжения».

На рынках и в магазинах Дании начался настоящий ажиотаж. Все покупатели, как только заканчивался рабочий день, помчались скупать норвежскую рыбу и морепродукты, поскольку появились слухи о каких-то санитарных запретах или даже о государственном перевороте и полном запрете вывоза. Во всех торговых точках образовались очереди на сотни метров длиной, многие люди готовы были в панике потратить последние сбережения даже, лишь бы запастись товаром. Поднятие цен в два, три, четыре раза не помогало, его всё равно сметали с прилавков словно метлами. Ближе к позднему вечеру, чтобы закрыть некоторые магазины, полностью исчерпавшие свои запасы, пришлось выставлять около них полицейские кордоны, причём стражам порядка неоднократно понадобилось пускать в ход и дубинки...

А в вечерних выпусках все основные датские газеты перехватывали друг у друга сообщение о крупных проблемах у ведущих агрохолдингов страны. Сбыт товаров в соседние государства, являвшийся одной из основных статей их доходов, грозил полностью исчезнуть. Встревожены были и силезские угольщики: прекращение вывоза угля в Скандинавию неизбежно означало спад в их отрасли.

Естественно, датский, голландский и польский флоты также пытались в меру сил разведывать обстановку, поднимались в воздух и самолёты из этих стран. Однако ничего принципи-

ального нового узнать они не смогли, практически подтвердив уже распространившиеся ранее слухи об изменении вида береговых пунктов и флотов.

Более успешны были английские разведки. Самолёты из Великобритании и с её авианосцев, по крайней мере, могли достигать даже полярных районов Скандинавского полуострова, и они подтвердили, что там рельеф почти привычный... а вот вид населённых пунктов всё тот же самый, неожиданный и архаичный. Правда, последние полёты совершались уже на закате фактически – много времени всё-таки тратилось на то, чтобы добраться до нужных точек. Но самый факт того, что нигде под крылом самолёта нет залитых огнями городов, стал последней каплей: ВВС и адмиралтейство вынуждены оказались признать, что ситуация действительно из ряда вон выходящая.

Уже поздно вечером шоковая волна докатилась до Пиренейского полуострова. И в Испании, и в Португалии начали понимать: за отправленное ранее на север Европы вино вряд ли кто-то заплатит, а новое могут и не купить.

Глава четвёртая. А что у нас внутри?

1 апреля 1939 года, столица нового государства Алвейр (близ озера Меларен). Составитель хроник Марликс, как обычно, готовился записывать происшествия, которые произошли за истёкшие сутки. Однако прошло уже добрых двадцать минут – маятник, висевший на стене, показывал это безошибочно – а ни одной новой строчки из-под его пера всё ещё не появилось. Составитель прекрасно знал устоявшийся порядок: точно в полночь двое гвардейцев придут забирать сегодняшнюю запись, чтобы поместить её в особое хранилище. Она должна быть готова к тому моменту полностью, то есть не просто должна быть написанной, но ещё и высохшей.

И всё же уложить в голове случившееся недавно, правильно описать суть событий было не менее важной обязанностью. А вот с этим как раз и возникли трудности. Вернее, одна только трудность. Как именно назвать то, что шумело сегодня несколько раз в небе – драконы, неведомые птицы или странные воздушные шары? Наконец, решение было принято: описать не само непонятное явление, а то, как оно повлияло на людей, как все оказались взбудоражены и переполошены, какие мнения высказывали. Позже, когда станет понятно, что это такое на самом деле происходило, тогда уже и придёт срок описывать по существу...

Несколькими часами ранее, в Вейрдале (город на месте Осло).

Старший начальник охраны (на наши деньги, общий руководитель полиции и контрразведки) выслушал доклад о неожиданно появившемся судне от спешно прибывших из порта дозорных. Он прекрасно знал, что это люди дисциплинированные и строгие, не склонные поднимать панику из-за пустяков. Однажды, лет восемь назад, ему уже пришлось даже разбраться их вследствие чрезмерной опасливости. Тогда прибыл корабль с заражёнными людьми, и они пытались решить вопрос с карантинном сами, хотя не хватало собственных полномочий. Хорошо, что тогда он, начальник, вскоре узнал о случившемся, и принял надлежащие меры. Его-то послушались, и не только из-за авторитета, но и благодаря должности не в последнюю очередь, конечно.

Поэтому теперь ничего не оставалось, кроме как, надев свой плащ и сапоги (погода в это время года переменчива, все знают), а также вооружившись как положено по уставу, направиться лично на осмотр неизвестного судна. С собой начальник взял сразу и своего заместителя, и смотрителя таможен – всё-таки это относилось к их сфере не в меньшей степени.

Вернувшись в порт, начальник прежде всего снял перчатку и рукой прикоснулся к камню причала, к воде у берега, к эфесу своей сабли. Всё это было реально, весомо и осязаемо, а значит, он не потерял рассудок до конца. Никто из троих не говорил ничего, даже взглядов друг на друга не бросали. Потому как понимали – столкнулись с чем-то, что в корне противоречит всему привычному. С тем, что может оказаться в итоге как спасительным, так и губительным для них самих и для очень многих других людей. Прежде чем произносить какие угодно слова,

давать оценку или делать предположение, следовало не меньше часа упорядочивать мысли в голове. А для этого – держать свой рот наглухо запертым.

Тогда же и там же, лечебница в полутора километрах от порта.

Двое медиков тихо переговаривались между собой. Не потому что боялись быть подслушанными, а потому что беседа происходила во время обхода, и следовало не будоражить лишний раз пациентов необычными новостями. Вернее, новости будут им сообщены, конечно. Позже немного, когда у врачей появится ясная уверенность хоть в чём-то. А пока... пока ты не представляешь, что именно рассказывать другим, самый надёжный выбор – не рассказывать ничего. Не разжигать попусту страсти и поиски ответа, которого сейчас всё равно нет. Потому что это напрямую вредит здоровью, а значит – противоречит коренному духу медицины.

О чём же однако они беседовали? Да, конечно, всё о тех же новостях, которые уже перебудоражили город и окрестности...

– Слышал уже, что «Хавресс» вернулся в порт?

– Этот тот трёхмачтовик, капитан которого в трёх войнах участвовал, пока в отставку не ушёл?

– Он самый... Встретил, говорят, огнедышащее судно, и моряки на том судне помешали ему двигаться дальше.

– Ну если уже настолько отважный моряк не решился рыпнуться, то, значит, и другие не решатся. Вот только кто бы это мог быть нашим врагом?

Глава пятая. И вновь снаружи

Всю ночь над новой территорией то и дело пролетали самолёты. Разведка продолжалась беспрерывно, потому что собранных за день данных оказалось мало. Как раз к ночи туда, к берегам, только и успели подойти польские и голландские военные корабли. Общий итог был неутешителен: в течение всего тёмного времени суток ни одного признака использования электрического света не обнаружилось. Впрочем, отсюда же проистекала и первая неоспоримая истина. Кто бы не находился теперь на скандинавской земле, электричество этим людям совершенно неведомо, иначе бы они его широко применяли. Вместе с отсутствием радиопередач, авиации, железных дорог, автомобилей, вместе с устаревшей архитектурой и другими сведениями – всё это наводило уже на откровенно тревожные мысли. Пока в Вейрии (так называлась эта страна) большинство людей просто спало, ещё толком не понимая всю глубину наступающих перемен, и лишь немногие, самые занятые или самые любопытные, бодрствовали, радиоэфир в Европе накалился до предела.

Мало было просто собрать данные и дать указания подчинённым. Все правительства принялись, конечно, интенсивно консультироваться между собой. Уже около полуночи стало ясно: всё это не какой-то набор глупостей и не акция какой-либо отдельной страны. А вот что именно – предстояло ещё только до конца разобраться.

Погранзастава №... , Карелия.

Три человека в маскировочных халатах явились к начальнику заставы ещё вчера, около 17 часов. Они ждали до 23-х, пока не стемнеет полностью и беспросветно. После этого были сопровождены начальником к самой линии пограничных постов – и беспрепятственно пропущены по ту сторону, согласно его слову.

Вернулись они ближе к утру, ведя с собой двоих «добытых». Один из них носил форму, похожую на военную, другой был одет совсем иначе, но, как объяснил вполголоса один из прибывших, «явно отдавал распоряжения в каком-то селении».

Похожие сцены происходили и в трёх других участках границы. Также в 02:40 2 апреля отчалила от вейрийского берега подводная лодка – на ней тоже находился пленный. Наконец, в разное время взлетели в укромных уголках немецкий, датский и английский самолёты – опять с людьми на борту. Вот только как пытавшихся ранее перейти границу на востоке по дорогам и

задержанных при этих попытках, так и вновь захваченных «языков» не удалось понять никому. Не особо помогли и привлечённые вскоре лингвисты: они только могли строить гипотезы, на какой язык похожа речь этих людей.

Естественно, всех задержанных в каждой стране отправляли и к врачам в первую очередь. И столь же естественно, очень быстро выяснилось: у них у всех сердце и лёгкие поменяны местами. Значит, это не болезнь «там», не отклонение, а... обычный порядок вещей? И уже утром 2 апреля начался новый этап международных консультаций. Сопоставив все факты, к 7–8 часам утра пришлось признать совершенно неожиданную, но теперь неоспоримую истину. Налицо НЕ «старинная Скандинавия» даже. Это нечто **СОВЕРШЕННО ИНОЕ**.

Как только этот факт попал в официальные документы, немедленно активизировались санитарные власти. Во всех государствах они начали требовать – сразу отправить на карантин каждого, кто побывал на неизведанной территории, плюс всех, кто оттуда пришёл или приведён, и впредь сократить контакты до минимума. Самое меньшее – на месяц или два.

Конкретные формулировки отличались, но суть была одна:

– Перед нами, возможно, настоящая биологическая бомба. Чем, насколько сильно она начинена, мы вообще не представляем.

Однако же, как ни были важны меры инфекционной безопасности, отказываться от источников ресурсов (как той же железной руды, которая могла быть в «Швеции», так и от иных, которые появились бы вместе с неведомой землёй), внешний мир никак не мог. И если для той же Англии, США или СССР с Францией выбор оставался (и был вполне велик), то для Германии шведская железорудная продукция являлась ближайшим импортным сырьём, к тому же первоклассного качества.

Поэтому уже 4 апреля немецкие самолёты возобновили разведывательные полёты и высадку разведгрупп. На этот раз – с задачей не забирать кого-то, а наблюдать для начала, собирать образцы земли, воды, пищи, воздуха, биологического материала. И уже с 5–6 апреля в вейрийские хроники начали вноситься записи о принудительно отбираемых у людей и домашних животных анализах крови – её образцы скорее отправляли в саму Германию для анализа и обнаружения потенциально опасных микроорганизмов...

Само собой, эта активность немцев не осталась незамеченной иными державами. Потому, невзирая на опасность, с 6–7 апреля начались попытки помешать этим усилиям, патрулирование воздушного и морского пространства. Просто так уступать Германия не желала, да и не могла, и потому периодически доходило дело и до прямых стычек практически. Обходилось пока ещё без стрельбы друг в друга, но противостояния в формате «чей корабль или самолёт будет вытеснен» уже где-то к 10 апреля 1939 года стали обычным делом.

Этому не помешали даже обнаружившиеся грозные признаки: к середине месяца среди вейрийцев началась первая эпидемия из-за занесённых с остальной Земли инфекций. Где и когда появился первый очаг, впоследствии так и не удалось установить... Поэтому большинство специалистов придерживается мнения, что возбудитель пришёл отовсюду, или, вернее из очень многих мест, и возможно, не столько даже из-за перемещения, сколько из-за течения воды или потоков воздуха...

А 12 апреля 1939 года не продержавшийся и двух недель карантин был окончательно упразднён фактически.

Из стенограммы беседы в рейхсканцелярии:

– В ответ на призывы главного санитарного инспектора армии подольше ограничить контакты, прочие выступающие резонно указали, что «полная осторожность всё равно невозможна. Она потребовала бы уничтожить каждое пересекающее границы животное, даже насекомое или рыбу, обеззараживать воздух, кипятить воду в облаках и в море по периметру непонятной зоны...».

Похожие соображения вскоре возобладали и во всех остальных государствах мира.

К счастью, разразившаяся в Вейрии эпидемия оказалась сравнительно «маломощной». Смертельность пришедшего заболевания была невелика, и потому потрясающего эффекта недуг не произвёл. Гораздо больше внимания в хрониках того периода (середина апреля – середина мая 1939 года) уделялось всё новым полётам самолётов, появлениям иностранных военных кораблей, действиям лазутчиков (там, где этих лазутчиков или признаки их активности удавалось заметить). Также с каждым днём всё чаще отмечали уже не только «иные звёзды на небе», но и несколько более прохладную, чем привычно в это время, погоду, и, естественно, то, что перестали приходить суда в вейрийские порты...

Глава шестая. Новый взгляд изнутри... и не только

6 мая 1939 года в вейрийской столице собрались представители всех местностей и основных городов страны. Такие сборы проходили и ранее – когда начинались или заканчивались войны, когда требовалось решить, как восстановить что-либо после стихийного бедствия, как бороться с последствиями засухи и неурожая... Но никогда прежде королевство не знало столь тревожных и непонятных событий. Поэтому был объявлен даже особый указ – в отличие от обычных опасностей, дело совершенно чрезвычайное, говорилось в нём. Поэтому можно будет высказывать даже тезисы об упразднении монархического образа правления, если это каким-то образом прямо поможет справиться с угрозами.

К тому времени успели уже разобраться, что непонятные суда и «летающие корабли» (так теперь именовали самолёты в хрониках и даже повседневных разговорах повсюду) представляют разные страны. Именно это обстоятельство и вызывало больше всего тревог...

Но вот представители наконец заняли все отведённые для них места, и обсуждение началось. Внимание каждой секции оказалось приковано к трибуне, за которой должен был выступать сам король. Да, никогда прежде все секции – морская и земледельческая, военная и строительно-ремесленная, духовная и торговая, учёная и лекарская – не находились в столь монолитном единстве чувств и ожиданий, не рассчитывали с такой надеждой узнать хоть что-то новое, что поможет им найти выход из тупика.

И, увы, их ожиданиям не суждено было воплотиться.

Выступление оказалось очень коротким и лаконичным. Вот главная суть:

– Итак, как и прежде, остаётся непонятным, за что столько держав иноземных ополчились против Вейрии нашей, даже не пробуя хоть как-то объяснить свои нападки. Причиной ли тому жадность стран этих, или внешний вид людей, городов и кораблей наших возбуждает в них вражду и кажется опасным или вредным, или же виной что-то иное, понять пока никому не удалось. Посему прошу вас, предлагайте всё, что только поможет королевству не пасть даже теперь, когда мы лишены торговли внешней, когда казна трещит по швам, а амбары будут ломиться от невывезенного урожая...

В итоге никаких кардинальных решений так никому и не удалось предложить всё равно. Да и что тут предложишь? Если возникла такая беда и поступлений извне нет, то как ни перекладывай и ни перераспределяй имеющиеся средства, больше их отнюдь не станет...

Интерлюдия. 24 мая 1939 года, «спецобъект» в окрестностях Гамбурга.

– Так, герр доктор, каковы ваши успехи?

– Довольно хорошие, герр полковник! Предположительно, нам уже удалось реконструировать значение двухсот слов.

– Только лишь двухсот? Вам дали пятерых пленных, оказывают неограниченную поддержку – и за два месяца только жалких двести слов?

– Но это очень сложная и кропотливая работа всё-таки...

– Значит, так. Если к 1 июля у вас не будет 500 слов, ваш статус вскоре станет мало отличаться от статуса пленного. Я ясно выразился?

«Зеркало Земли», по привычным нам понятиям вполне мог бы называться скорее королём. На момент описываемых событий эту должность занимал Валиман, или «Тот, кто духом

удерживает равновесие миров». Однако теперь сам Валиман при упоминании смысла своего имени скорее горько улыбался. «Удерживал равновесие, удерживал, да не удержал». Иначе как объяснить все эти необычные, пугающие и, возможно, угрожающие невиданными бедами события последних декад.

Вот и сегодня, после окончания собрания, тепло простившись с представителями и найдя даже время наскоро поговорить с некоторыми из них о текущих нуждах, чтобы успокоить их и показать, что всё под контролем, сам он пребывал в отвратительном расположении духа. Идя по коридору на улицу, Валиман предпочёл выйти туда через чёрный ход, а не парадный, как обычно. Сейчас ему больше всего на свете хотелось остаться в полном одиночестве, погрузиться в свои мысли. Даже охрану с собой брать не стал – да и какая, усмехнулся про себя сорокапятилетний брюнетистый мужчина, охрана теперь поможет. Из своих ружей что ли станет отстреливаться от воздушных кораблей, если те вздумают напасть?

Король устремился бодрым шагом в регулярный парк, расположенный буквально в двух шагах от правительственного квартала. Когда-то в детстве он очень любил приходить сюда, и не просто чтобы гулять посреди деревьев и кустов, наслаждаясь их видами и вдыхая сладостные ароматы. Не меньшее удовольствие ему тогда доставляло – представлять себя в образе правителей Вейрии и даже отдельных других государств его мира. Выбирал тогда он очень просто кумиров для таких детских и подростковых фантазий: ориентировался на выдающихся полководцев, которые одерживали великие победы, а уж какой конкретно престол они занимали, это не важно. У успешного воинского начальника и поучиться не зазорно его искусству, независимо от того, под какими знамёнами он идёт. Куда зазорнее, если ты, будущий правитель, презрешь эту науку, а в итоге сам окажешься приведённым под конвоем в чужой воинский лагерь, и вынужден будешь склонить колено перед победителем.

Валиман в очередной раз махнул рукой, дойдя до конца самого парка. Обычно он сюда не добирался, не хватало времени на текущие заботы. Одно управление внешнеторговыми делами столько сил отнимало. Сейчас же, когда вся внешняя торговля и внешние сношения исчезли, дни стали гораздо более пустыми. Вот только ни его, ни советников и министров это увеличение свободного времени отнюдь не радовало...

И в самом деле, что теперь говорить Хранителям Долин? Всякий раз после подобного Большого Собрания они ждали слова королевского, и по традиции выступить перед ними следовало не позднее, чем завтра в полдень. Сейчас тени вечерние уже ощутимо сгустились, а у него, Валимана, по-прежнему нет даже намёток, о чём хотя бы приблизительно сказать.

Где-то вдалеке, в небесах, за облаками опять раздалось уже хорошо знакомое всем почти вейрийцам рычание небесного корабля. Буквально через минуту оно стихло, но этого времени правителю хватило, чтобы принять решение...

Раз непонятно, что происходит, значит, только и остаётся, что ждать, когда это станет яснее. Выживать уж как-нибудь по возможности. Их земля даже и оставшись словно одна во всём свете, будучи лишь наблюдаемой со стороны непонятно кем, всё равно достаточно обильна и щедра. Большой голод ей вроде бы не грозит, а стремиться к изобилию можно будет потом, спустя годы... если будет возможность, поправил он себя.

Именно так король и сделал. Незадолго до полудня, всё по той же традиции, Валиман пересёк широкую площадь по диагонали, поднялся на четвёртый этаж одного из дворцовых зданий, прошёл по нему в другой конец, спустился вниз и вышел наружу. Там, за дверью, начался тихий уголок набережной, где уже собрались Хранители долин.

Встав перед ними, Валиман, безупречно знавший этот ритуал, представился полностью и выслушал имя каждого из прибывших – хотя уже не раз общался со многими из них. И, наконец, когда самый младший из делегатов, по всё тому же старинному обычаю, помог ему взобраться на бочку, начал выступление:

– Мы не знаем, кто нас окружает и с какой целью посылает эти летучие корабли. Даже выдающиеся мудрецы и учёные нашей земли пока не разобрались с этим. Но не нужно быть крупным умом, чтобы заметить – плоды ещё могут расти, а стада умножаться. Дерево, камень и прочие нужнейшие вещи в наших пределах также пока не перевелись. Значит, как бы плохо не казалось теперь отсутствие торговли морской и сухопутной с сопредельными землями, какие бы угрозы не таили небеса, моря и земные просторы, треволнения из-за опасностей этих не должны сковать нашу волю и решимость. Нам нужно держаться пока, и только. Пусть иноземные гости, или кем там они себя считают, видят – мы можем прокормить и снабдить себя сами, не нуждаемся особо в помощи с их стороны. Неизвестно, сможем ли мы сразиться с ними, если такое понадобится, но тем важнее всю свою решимость и спокойную уверенность показать уже сейчас. Пусть видят с небес, с воды и через границы сухопутные – кто мы есть и на что готовы!

На почтительном отдалении – как и подобает согласно устоям в таком случае – эту речь слушала и супруга Зеркала Земли, Лирвен («Слышащая голос предков»). По настроению сказанного она сразу поняла: лучше держаться пока подальше, оставить и выступавшего Валимана, и Хранителей Долин в покое. Пусть обдумают всё ещё раз, пусть пообщаются, если захотят – третьим людям в эти размышления и беседы лезть не следует.

Потому королеве ничего не оставалось, кроме как вернуться в свою резиденцию – дом при собрании свитков, где бережно хранили старинные записи о былых временах и древних событиях. Давно уже Вейрия перешла на использование бумаги, но тут по-прежнему сохраняли рулоны пергамента, на которых запечатлены легенды и ход старых сражений, основание городов и набеги врагов, подвиги и предательства людей, которых давно уже нет на свете.

Вот и на остаток дня Лирвен, как в воду, погрузилась в хроники. Ей не нужно было даже подниматься по скрипучим лестницам, чтобы оказаться в залах со свитками, чтобы развернуть их и читать при неверном свете, пробивающемся из щелей в стенах. Многие сюжеты она выучила за минувшие годы чуть ли не наизусть. И сейчас вспоминала, живо представляя в лицах, одно из древних сражений, едва не поставившее тогда королевство на край гибели...

С наступлением вечерних сумерек королева, как обычно в последнее время, отправилась прогуливаться по портовому району. Позади за ней, на почтительном расстоянии, следовали трое стражей. Живой интерес у Лирвен вызывало то, что воздушные корабли по какой-то неизвестной причине часто появлялись именно над этим местом. Их не привлекали отчего-то ни уютные жилые кварталы, ни дворцовый комплекс, ни грандиозное здание главного столичного храма, который соорудили долгих пятнадцать лет, и который стал визитной карточкой города. И больше всего королеве хотелось разобраться, с чем всё-таки такое предпочтение связано. «Ведь если удастся понять, что им нужно», думала она, «тогда проще будет разобраться, как действовать нам самим, чтобы прорвать, наконец, эту вязкую изнурительную осаду».

Интерлюдия. 28 мая 1939 года, грузовое судно «Пассэ Композэ», порт приписки Гавр, около 21:00.

Транспорт следовал мимо загадочного берега со всеми положенными ходовыми огнями. Однако на левом траверзе, вдоль пролива Каттегат, по-прежнему оставалась безраздельная темнота в вечерние часы. Поэтому капитан приказал ещё перед наступлением сумерек держаться ближе к середине фарватера. Хотя частично прибрежные воды за последние два месяца удалось промерить, рассчитывать на точные лоции не приходилось.

Вот в очередной раз вперёдсмотрящий отметил в своём блокноте продолговатый остров. Ещё в марте его не было вовсе, а теперь он словно преграждал близкие подходы к непонятным землям, появившимся однажды ночью на месте Скандинавии. Во всяком случае, не с осадкой «Пассэ Композэ» пробовать пройти там. То – удел небольших катеров и лодок скорее...

29 мая 1939 года, раннее утро. «Младший страж тишины» Торвен (тот, кого по земным меркам называли бы «принцем»; будем и мы придерживаться этого общеудобного наименования).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.